

ГАНРІЕТА

И

ЛЮЦІЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

1779 года.

ЕЯ

Превосходительству

Милостивой государынѣ

МАРІИ

СТЕПАНОВНѢ

Госпожѣ

ТАЛЫЗИНОЙ

усерднѣйшее приношеніе.

Милостивая Государыня!

Отмѣнныя Ваши добродѣтели, коимъ сопутствуетъ благоразумїе купно съ прозорливостїю и преизящными Великой души качествами, побудили меня принести Вамъ дань достодолжнаго почитанїя. Чего для слѣдуя примѣру другихъ трудами своими жертвующихъ истинной добродѣтели, осмѣлился я переведенную мною съ Французскаго языка книжку посвятить въ знакъ искренняго подобострастїя имени Вашему, хотя вся она по содержанїю своему не соотвѣтствуетъ просвѣщенїю Вашему, кромѣ нѣкоторыхъ Великодушныхъ поступокъ, кои при окончанїи

въ ней

въ ней изображаются. Удостойте, Ваше Превосходительство, малой сей трудъ милостиваго Вашего принятія, и совершите тѣмъ усерднѣйшее желаніе, стремящееся единственно воздать должную честь добродѣтели. Счастіе мое будетъ усугублено, если дозволите при семъ препоручить себя милостивому Вашему покровительству съ тою глубочайшею преданностію, съ которою по конецъ моихъ дней пребуду.

Милостивая государыня!

Вашего Превосходительства,

Всепокорнѣйшій слуга

Николай Лѣвицкій.

ГАНРІЕТА
И
ЛЮЦІЯ,
или
соперныя подруги,
Шотландская новость.

Іаковъ I, Король Шотландской, долгое время царствовалъ безпокойно. Знатнѣйшіе его государства Вельможи раздѣлясь между собою, многія составляли скопища. Одни будучи привлечены къ заговору Графа Атола, сто-

яли за сего Князя съ ревностїю, которая сдѣлалась ему гибельною; другїе же обратя мысли свои къ своему Государю, разсуждали о правахъ его и распоряженїяхъ своихъ сохранить ему Корону. Извѣстно какимъ образомъ Графъ Атолъ скончалъ жизнь свою, и сколь учиненное ему строгое наказанїе огорчило его друзей. Они удалились отъ двора, каждый изъ нихъ оказавъ первыя негодованїя своего знаки, намѣренїемъ отмстить смерть злощастнаго Князя, бывшаго честолюбїя своего жертвою.

Въ числѣ раздраженныхъ былъ Лордъ Графъ *Мильфонъ*. На двадцать пятомъ году рожденїя своего уже видѣлъ онъ себя обладателемъ великаго богатства. Мужество его неоднократно было испытано. Друзья его

его были къ нему истинно привязаны. Они содѣлали его сторонѣ Королевской страшнымъ. Къ симъ преимуществамъ присоединялъ онъ благонравїе, кротость, воображенїе живое, тѣлесную красоту, дарованїя сильно дѣйствующїя надъ женскимъ поломъ, судїею и повелителемъ нашимъ. По смерти Графа *Атола*, Графъ *Мильфонъ* удалился въ свою деревню, отстоящую отъ Едимбурга на нѣсколько миль.

Между знатнѣйшими двора своего Король особливо жаловалъ Генерала *Мурце*. Сей храбрый военачальникъ пользуясь милостями своего Государя, исходатайствовалъ прощенїе старому своему другу Барону *Сенклеру* ложно обвиненному въ томъ, будто бы онъ участвовалъ въ заговорѣ Графа *Атола*.

Домъ *Сенклеровъ* имѣлъ помѣстье близь вотчинъ Графа *Мильфона*; и сїе сосѣдство было источникомъ раздоровъ между обѣими фамилїями, кои уже издавна одна къ другой непримиримую питали ненависть.

Баронъ *Сенклеръ* спокойно наслаждался прїятностями своего уединенїя какъ Генералъ *Мурце* вдовствующїй лѣть съ пять или шесть прїѣхалъ къ нему съ *Люцїею*, которая была у него одна дочь — *Милордъ*, говоритъ онъ своему другу, Король возложилъ на меня важное дѣло, по которому долженъ я ѣхать къ Королю Аглинскому. И такъ дозвольте мнѣ повѣрить на ваши руки всего мнѣ на свѣтѣ драгоцѣннѣйшее сокровище. Здоровье *Люцїи* не дозволяетъ ей принять сїе путешествїе: по чему и оставляю

ляю ее на ваши попеченія и дружбу любезной вашей дочери. Сельской воздухъ, дружество любви достойной *Ганріеты*, льстятъ мою искреннюю любовь несомнѣнною надеждою, что здѣсь *Люціино* пребываніе будетъ благополучно. А по возвращеніи моемъ я буду всячески стараться принести вамъ мою должную благодарность. . . . . Избавте насъ, милостивый государь, прервала рѣчь его съ жаромъ Баронесса *Сенклерша*, отъ отвѣтствованія вамъ на такія выраженія, коими чувствительность наша уязвленна: мы должны говорить о благодарности.

Генералъ *Мурце* тогоже дня отъѣхалъ, оставя дочь у пріятеля. Спустя нѣсколько недѣль *Люціино* здоровье стало приходить въ вящшую слабость,

 рази-

разительныя прелести начали угасать, и унынїе распростершееся на чертахъ лица ея произвело сожаленїе въ *Ганрїетѣ*, которая была моложе *Люцїи* и гораздо менѣе знала свѣтъ. Печаль, слѣдствїе злощастной страсти, еще ни мало не повредила ея красоты. Она была жива, весела и въ рѣчахъ скора. И какъ была воспитанна въ отдаленности отъ двора и свѣта, то ей никогда не запрещалась благопристойная вольность. А *Люцїя* позволенїя сего не имѣла. У ней была надзирательницею простая, набожная, безпокойная и злонравная старуха, которая увидя свою ученицу улыбающуюся, поднимала руки къ небу. Какъ скоро госпожа *Миллерша* (имя надзирательницы) вышла изъ покоевъ, гдѣ жили двѣ молодыя подруги, то *Ганрїета*

ріета подбѣжавъ *къ Люціи* обняла ее, и рыдая съ нею просила словами ласковыми, чтобъ она ей повѣрила тайну своего сердца: не смотря на свой малой опытъ, *Ганріета* подозрѣвала, что любовь имѣла участіе въ печаляхъ ея подруги. *Люція* старалась пребывать въ молчаніи опасаясь, чтобъ открытіе страсти ея не повредило *Ганріетиной* невинности. Какъ нѣкогда *Люціины* глаза были обременены печалію болѣе обыкновеннаго, то *Ганріета* подошедъ къ ней съ живостію и прiявъ ее въ свои объятія сказала: дражайшая *Люція*, ради дружбы, которую я къ тебѣ питаю, ради нѣжнаго чувствованія, которое насъ соединяетъ, открой мнѣ причину своихъ печалей. Развѣ ты подозрѣваешъ мою скромность? не уже ли ты столь неспра-

несправедлива? Жестокая прїятельница! — Моя къ тебѣ довѣренность, не имѣетъ предѣловъ; но увы! .... Ты можешъ о мнѣ только соболѣзновать. по семъ новыя слезы полились ручьями изъ прекрасныхъ *Луцїиныхъ* очей. *Ганрїета* видя сїе стала просить ее прилѣжнѣе; и такъ *Люцїя* приклоня голову къ грудѣ своей прїятельницы, сказала ей: источникъ всѣхъ моихъ злополучїй любовь къ Графу *Мильфону*. — *Мильфонъ*! — Тотъ самой, котораго имя ненавистно нашимъ фамилїямъ. Я сїе знаю, и винюсь предъ тобою, *Ганрїета*; я бы повинилась и предъ моимъ родителемъ, еслибъ онъ вникнулъ въ мое сердце. мнѣ кажется, что я чувствую стыдъ ... или заблуждаюсь, ... ахъ! *Мильфонъ* прости мнѣ сїе! я небомъ свидѣтельствуюсь,

ствуюсь, что я тебя всегда буду любить; а если перестану, пусть небо истощитъ на меня всѣ нещастія, которыми оно наказываетъ невѣрныхъ! послѣ словъ сихъ, выговоренныхъ съ напряженіемъ какое обыкновенно вдыхаетъ сильная страсть, послѣдовало глубокое молчаніе. по томъ *Люція* начала извинять себя въ своей пріятной горячности достоинствомъ того, кто былъ оной предмѣтомъ. —— Любезная пріятельница, не цѣны качествъ Графа *Мильфона* по разсужденіямъ нашихъ фамилій. Любимцы взирали на него завистливымъ окомъ. О еслибъ ты его знала! Онъ великодушенъ, чувствителенъ и первый изъ рыцарей красавецъ во всемъ государствѣ. *Люція* никогда не говаривала съ такимъ жаромъ. Какія описывала она прелести заставляющія

ющія необходимо любить *Мильфона*! Она разсказывала при томъ, какимъ образомъ видѣлись они во дворцѣ, какъ онъ ей старался понравиться, сколь врожденную имѣетъ она склонность его любить, какъ она рада жить подлѣ деревни сего Графа. — Но какая можетъ быть изъ того польза для твоей любви, спросила у нее *Ганріета* съ холодностію и потупивъ глаза? — та, что умру не далеко отъ него, отвѣтствовала *Люція* съ твердостію духа, коею *Ганріета* была приведена въ изумленіе.

Приходъ госпожи *Миллерши* пресѣкъ сей разговоръ. Смятеніе *Люціи* было сочтено дѣйствіемъ ея болѣзни; а задумчивость *Ганріеты* приписана была участію, какое принимала она въ состояніи своей подруги.

подруги. Не взирая на свою живость, веселый нравъ и малое обращенїе въ свѣтскихъ дѣлахъ, *Ганрїета* не могла отъ того воздержаться, что бы не плакать о *Люцїиномъ* нещастiи. Но ея обыкновенная резвость немедлѣнно обратила ее къ прежнимъ шалостямъ. Она стала шутить надъ *Люцїею* и ея страстїю, упрекать ее оною какъ такимъ безумїемъ, которому она себя подвергла въ противность ея разуму, должности и намѣренїямъ своей фамилiи. *Люцїя* слушала сiи нравоученїя съ прискорбїемъ. — *Ганрїета*, я довольно вижу, что ты еще не знаешь любви: и дай Богъ, чтобъ она тебѣ никогда не была извѣстна! Вѣдай, что кромѣ тревоги причиненной отъ сего въ жизни моей знаю еще и то, что наша любовь можетъ быть

пренещастною, и что я никогда не соединюсь съ тѣмъ любовникомъ, котораго я искренно обожаю: тысяча непреоборимыхъ препятствїй сему противоборствуютъ... Однакожъ я чувствую нѣкоторую отраду, примолвила она съ веселымъ видомъ. Сїя страсть скоро прервешъ союзы меня привязывающїе къ жизни. Я вижу уже разверзающїйся гробъ подъ моими ногами.... Но какъ мнѣ разстаться съ Графомъ *Мильфономъ* и тобою, дражайшая *Ганрїета*?

Чѣмъ болѣе *Люцїя* находила затрудненїй въ томъ, что бы увѣдомить Графа о своемъ состоянїи, тѣмъ рачительнѣе изобрѣтала она мыслїю средства къ преодолѣнїю ихъ. Баронесса *Сенклерша*, *Ганрїета* и ея прїятельница почти всякой

кой вечеръ прохаживались въ замкѣ по дорогѣ, пресѣкаемой ведущимъ на брега морскія путемъ. Въ одно время увидѣли онѣ тамъ ѣхавшихъ верьхами нѣсколько господъ, за которыми идучи многіе люди несли сѣти, уды и все къ рыбной ловлѣ нужное. Тогда *Люцїя* почувствовала трепетанїе въ своемъ сердцѣ,. Баронесса *Сенклерша* спросила, куда сїи господа ѣдутъ; ей сказали, что они хотятъ забавляться съ Графомъ *Мильфономъ* рыбной ловлею, въ которой онъ часто упражнялся на взморьи. При имени *Мильфона Ганрїета* утерпѣть не могла, чтобъ не взглянуть на свою прїятельницу съ улыбкою, отъ чего *Люцїя* покраснѣла. Она съ того времени предалась глубочайшимъ размышленїямъ и проводила остатокъ вечера и наступающую ночь

въ прежестокомъ безпокойствїи. Не зная чѣмъ рѣшиться и что можетъ произойти изъ ея предпрїятїя, она употребила четверть часа, въ которую надзирательница одну ее оставила, чтобъ написать къ своему любовнику.

„ Съ самой той минуты,
„ когда лишилась я зрѣть
„ васъ, не перестаю проли-
„ вать слезы. Отчаянїе уже
„ ввергнуло бы меня во гробъ,
„ еслибъ искреенняя лю-
„ бовь мною къ вамъ питае-
„ мая, тому не возпротиви-
„ лась. Она только одна под-
„ вигнула меня на то, что
„ я теперь дѣлаю Милордъ,
„ если вы еще любите
„ меня и хочете облегчить
„ страданїя васъ обожающей
„ любовницы, то вы завтра
„ опять проѣзжайте мимо то

„ мѣсто,

,,мѣсто, гдѣ вчерась ѣдучи
,,видѣли вы многихъ дамъ. А
,,если я васъ тамъ увижу
,,и одѣтаго въ платье моего
,,любимаго цвѣту, то это
,,будетъ вѣрнѣйшимъ доказа-
,,тельствомъ, что сїе пись-
,,мо къ вамъ дошло, и что
,,вы меня не позабыли.

Люцїя не преминула озна-
чить и то мѣсто дороги, въ ко-
торомъ бы онъ могъ получа сїе
письмо найти и другое. Она
сложивши его запечатала, и
написавъ на ономъ имя своего
любовника трепещущею рукою
рѣшилась предать его на со-
изволенїе судьбы, по тому что
она не могла повѣрить оное и
такому человѣку, котораго
вѣрность уже довольно была ей
извѣстна. На другой день во
время обыкновенной прогулки
она свое письмо оставила на

дорогѣ, и сїя вымушка лучше ей удалась, нежели она воображать себѣ могла; ибо одинъ Графской человѣкъ нашедъ сїе письмо, вручилъ оное по надписѣ.

Мильфонъ съ трудомъ привыкалъ не видѣть своей любезной *Люцїи*. Время его съ нею разлуки простиралось далѣе шести мѣсяцовъ. Въ теченїе онаго имѣлъ онъ свободу съ равнодушїемъ разсмотрѣть, коль было неосновательное намѣренїе на ней жениться. Сверьхъ того думалъ, что она дѣйствительно уѣдетъ съ своимъ родителемъ въ Англїю, и тамъ выидетъ за какого нибудь знатнаго господина Аглинскаго двора. Воспоминанїе о его любви уже слабо въ сердцѣ его дѣйствовало: по елику мысль о мщенїи всѣ минуты жизни его занимала. Въ такомъ будучи

лучи состоянiи Графъ *Мильфонъ* получилъ письмо отъ *Люцiи*. — И такъ она еще любитъ меня! вскричалъ онъ; добродѣтельная любовница, я чувствую, какой цѣны есть сердце твое! *Люцiина* вѣрность возобновила въ *Мильфоновой* душѣ прежнюю къ ней горячность. Онъ велѣлъ сдѣлать приготовленiя къ рыбной ловлѣ, одѣлся по предписанiю своей обладательницы, что тогда было въ обыкновенiи у Кавалеровъ, и въ уреченное время выѣхалъ.

Уже дамы прохаживались по дорогѣ. *Ганрiета* прiятельницею своею увѣдомленная о происходившемъ, приневолила хитрымъ образомъ Баронессу *Сенклершу* пройти подалѣе. Въ то самое время молодой Графъ тамъ ѣхалъ. Онъ бро-

силѣ на свою любовницу живѣйшій взглядь: и она страстнѣйшимь на него взоромь посмотрѣла. Ея смященіе, нѣжный румянецѣ, коимѣ лицо ея вѣ сію пріятную минуту украсилось, влїяли бы сильнѣйшую любовь и вѣ самое нечувствительное сердце. — Колико я счастлива, вѣщала она сама кѣ себѣ вѣ тотѣ часѣ, когда прелести ея и твердость совокупно торжествовали! Коль я благополучна! О *Мильфонѣ*, ты вѣдаешѣ добродѣтель любовниковѣ! Она стала говорить сѣ *Ганрїетою*: но дрожащая *Ганрїета* схватя пріятельницу свою за руку пожала оную: и вѣ семѣ состоялѣ весь ея отвѣтѣ. Она какѣ можно старалась скрыть свое возмущеніе. *Люція* сіе примѣтя опечалилась: она приписывала безпокойствіе *Ганрїетино* нѣжнымѣ чувствованіямѣ

нїямъ, кои искренняя дружба раждаетъ. Съ какою нетерпѣливостїю *Люцїя* желала изъясниться съ нею на единѣ! Въ самой тотъ вечеръ прохаживались обѣ онѣ въ звѣринцѣ. — *Ганрїета*, ты его видѣла? — Да, мой свѣтъ, отвѣтствовала сїя потупя глаза въ землю. — Что же ты мнѣ ничего не сказываешь? . . . Моя любезная *Ганрїета* не хвалитъ мою искреннюю любовь. . . Я думала, что было довольно только его увидѣть, чтобы его любить. . . *Ганрїета*, твое молчанїе заставляетъ меня умереть. . . . Ахъ! Твое мнѣнїе составило бы благополучїе жизни моей. — Мнѣ весьма прїятно думать, что Графъ *Мильфонъ* и тебя достоинъ; но надежда о будущемъ благополучїи, можетъ быть, не что иное есть, какъ жестокая мечта. —

Еслибъ она въ точномъ видѣ своемъ представилась мнѣ, прожилаль бы я минуту? Ибо щастіе Графа можетъ перемѣниться; а будетъ ли онъ попрежнему въ милости, кому извѣстно? Впрочемъ я могу .... могу сдѣлаться рока моего судіею.... *Ганріета*, я того не желаю.... О, нѣтъ... сколь я злополучна!

Такимъ образомъ разстались онѣ обѣ равно распаленныя любовію и пылающія желаніемъ владѣть *Мильфонопымъ* сердцемъ. Едва имѣла *Ганріета* время разсмотрѣть состояніе души своей, какъ узрѣла себя несравненно злощастнѣйшею *Люціи*. — Если *Люція* его любитъ, то по крайнѣй мѣрѣ она увѣрена, что и онъ ею плѣненъ; но я.... Онъ меня не знаетъ и никогда не видалъ....
О небо.

О небо! . . . *Люція*, отецъ мой, я за васъ буду отмщена. . . . Она говоритъ о смерти; я прежде ее буду во гробѣ. . . . *Люція*! Что ты сдѣлала въ домѣ родителя моего? Ты рушила покой дочери его! Подала ей примѣръ къ непослушанію! Описала *Мильфона* такими цвѣтами кои кажутся мнѣ весьма истинны! *Люція* жалуется: ахъ! Не сто кратъ ли я ее нещастнѣе? Жестокое чувствованіе зависти еще присовокупилось къ безпокойствіямъ *Ганріеты*. Въ то время, какъ она въ молчаніи сѣтовала, упрекала сердцу своему чрезмѣрною чувствительностію, *Люція* наслаждалась пріятнымъ спокойствіемъ Еслижъ находила препятствія продолжать свою переписку, то она представляла себѣ, что *Ганріета* въ знакъ своей дружбы поможетъ

ей оные отвратить своими совѣтами. Между тѣмъ *Ганріета* старалась убѣгать тайныхъ разговоровъ своей пріятельницы; что сія и примѣтила. Когда могли онѣ наединѣ увидѣться — Коль много я тебѣ обязана, дражайшая *Ганріета*, говоритъ ей *Люція*, за безпокойство, которое кажется тебя терзаетъ! ты для меня исполняешь должности священной дружбы; твоя дружеская чувствительность составитъ мое благополучіе. Добродѣтельная пріятельница, ты будешь нѣкогда наслаждаться всѣми пріятностями благодарности моей ... Вотъ письмо для врученія *Мильфону* ... любезная *Ганріета*, я оное тебѣ повѣряю ... Ты его отдашь ему .. Ты сама. *Ганріета* приведенная во удивленіе не можетъ прервать рѣчь своей пріятельницы.

— Да,

— Да ты ему онсе вручишь: какъ я тебѣ въ етомъ завидую! ... Графъ *Милфонъ* ... его видѣть, любить; получить обновленіе клятвъ: и по томъ я довольна бы умерла.

Сперьва *Ганріета* приняла сіи слова за выраженія такой любовницы, которую сильная страсть привела въ безпамятство. Она хотѣла вывесть ее изъ онаго но Люція была непремѣнна. Тогда радость, что бы имѣть уединенный разговоръ съ *Мильфономъ*, живо изображалась на пріятныхъ очахъ *Ганріеты*; она оставивши замѣшательство, кое было ей причинено симъ страннымъ предложеніемъ, желала знать на чемъ *Люціины* намѣренія могли быть основанны, и *Люція* открыла ей, что она писала второе письмо къ молодому Графу, въ которомъ про-

просила его слѣдующаго дня пріити въ гротъ, который былъ съ полевой стороны въ звѣринцѣ. Она съ нимъ хотѣла сама говорить; но безпутная *Миллерша* въ томъ ей препятствовала.

Ганріета безъ сомнѣнія была рада исполнить поручаемое пріятельницею; но отважиться вторично узрѣть Графа *Мильфона*, котораго однократно увидя полюбила страстно, казалось ей толь прежаснымъ дѣломъ, какъ бы изъ высочайшей горы повергнуться въ пропасть. — *Акція*, думаешъ ли ты о томъ? какъ! я пойду противъ моей чести и твоей вступить въ потаенный разговоръ съ такимъ человѣкомъ, котораго ты, можетъ быть, безразсудно полюбила; и подать ему случай надъ нами смѣяться?

ся? онъ можетъ статься, не кто иной есть, какъ подлой льстецъ! — перестань жестокая! почто не могу я исторгнуть изъ памяти твоей тѣхъ таинствъ, кои ты меня принудила тебѣ открыть!... Увы! я ласкалась найти въ твоей дружбѣ облегченїе моимъ мученїямъ; а ты раздражаешъ любовницу скорьбїю обремененную, вселяешъ въ сердце ея такїя подозрѣнїя, коихъ дѣйствїя могутъ ее умертвить скорѣе смертоноснаго яда.... *Ганрїета*, примолвила *Люцїя* проливая слезы, такъ ли бы я съ тобою поступила? сей выговоръ *Ганрїету* смягчилъ; глаза ея исполнились слезъ. — прости, моя любезная, прости мнѣ въ томъ, что я тебѣ хотѣла оказать мое искреннѣе усердїе; я довольно вижу, что оно тебя огорчаетъ. Во удовольствїе твое

я увижусь съ Графомъ *Мильфономъ*. (Она береть письмо.) Я ему сама вручу сей новой залогъ твоей верности; оной свидетельствуетъ мне не ложно о его достоинстве. Какое чувствую я удовольствіе верить сему! — ахъ! скажи ему, скажи, что я живу только для того, чтобъ его любить; что обрадованная его любовію полагаю все мое благополучіе единственно въ томъ, что бы ему нравиться. Она присовокупляетъ съ новымъ восторгомъ: любезная *Ганріета* съ нимъ увидится, она конечно будетъ хвалитъ мою любовь; станетъ любить *Мильфона*; и я въ томъ не буду ревновать. *Люція* принимаетъ на себя важный видъ: помни же, *Ганріета*, что отъ тебя зависитъ мое благополучіе и *Лорда* Графа *Мильфона*.

Ган=

Ганрїета пришедъ въ свою комнату, вдругъ увидѣла всѣ нещастїя, которыя приготовляла ей *Люцїина* довѣренность. — Увы! если я отважусь еще его увидѣть; могу ли я не измѣнить довѣренности и дружбѣ: имѣть довольно силъ, чтобъ принести въ жертву одну себя? еслибъ *Люцїя* могла проникнуть въ сердце мое, она бы на меня не возложила сїе исполнить... Нѣтъ, я его не увижу; я открою своей прїятельницѣ всю тайну своего сердца Когда любовь съ такою силою дѣйствуетъ надъ ея душею, она будетъ чувствовать все, что я ощущаю; мы будемъ вмѣстѣ стенать; она будетъ довольна моею повѣренностїю; почтетъ открытїе моей слабости дѣйствїемъ верьховной добродѣтели... И такъ не увижусь я съ Графомъ *Мильфо-*

 номъ.

номъ . . . . Я съ нимъ не увижусь. Моя совмѣстница одна имѣть будетъ право быть имъ любимою: и можетъ быть для того, что онъ меня не знаетъ. Если бы онъ могъ осмотрѣть наши сердца, и чтобъ собственное его могло быть награжденїемъ тому, которое любитъ его болѣе, какъ бы я мало сего боялась! . . . Я буду одна нещасшною. Я буду стараться утвердить союзы ихъ любви; погребу себя живую; слезы мои ископаютъ мнѣ гробъ. . . *Люцїя*, будь благополучна. Если я увижусь съ Графомъ, то сїе будетъ только для утвержденїя вашего благополучїя . . . Жестокая, чего требуешъ ты! какая жертва! ахъ! я не могу . . . Г*анрїета* встаетъ, ходитъ взадъ и впередъ съ поспѣшностїю, опять садится и сообразуясь съ чувствованїемъ

сердца

сердца своего, начинаетъ писать письмо; предъ нею бумага покрывается слезами, и она чувствуетъ себя облегченною.

Уже давно *Люція* не провождала ночи толь спокойно — о дражайшая *Ганріета*! вскричала она; я тебѣ буду обязана благополучіемъ дней моихъ. По *Мильфонѣ* ты имѣешъ первое мѣсто въ душѣ моей.

Мильфонъ читалъ второе письмо *Люціи*. Радость увидѣться съ своею любовницею, на нѣсколько часовъ успокоила его духъ, который былъ встревоженъ недавно изъ Единбурга полученными извѣстіями. Нѣкоторые его пріятели тамо находившіеся увѣдомляютъ его; что Король всегда будучи объ немъ худаго мнѣнія, казался

 уже

ужe готовымъ согласиться на представленія тѣхъ придворныхъ подлецовъ, въ которыхъ онъ возбудилъ на себя подозрѣніе и ненависть. Ему совѣтовали ѣхать въ чужія краи, если хочетъ избѣгнуть отъ мщенія своихъ враговъ.

Мысль выѣхать изъ отечества мало колебала духъ Графовъ; но онъ не могъ рѣшиться на то, что бы удалиться отъ *Люціи*, и не видѣть ее болѣ. — Я ей открою сколь далеко простирается несправедливость и безчеловѣчіе сихъ негодныхъ льстецовъ. Можетъ быть она будетъ столь великодушна, что меня не оставитъ. Онъ идетъ къ мѣсту свиданья.

Уже болѣе двухъ часовъ *Ганріета* безпрестанно сражаясь съ своими нѣжными склонностями

ми

ми къ *Мильфону* и дружбою къ *Люціи*, прохаживалась по звѣринцу. Она всякую минуту подходила къ гроту нетерпѣливо желая видѣть идущаго *Мильфона* и быть отъ него увидѣнною; но всякой разъ, какъ она туда приходила, нерѣшимость ея болѣе прежняго умножалась. На конецъ усматриваетъ она въ дали *Мильфона*. Онъ одинъ идетъ; нѣкоторые кусты еще скрываютъ *Ганріету* отъ зрѣнія молодаго Графа; онъ подходитъ ближе; усматриваетъ ее и почитаетъ *Люціею*. — О! это она. Пріятная минута! я умру у ногъ ея отъ любви и благодарности. *Ганріета* блѣднѣетъ, кидается въ сторону и приходитъ къ гроту. Уже Графъ тамъ былъ. Она отворотясь простираетъ дрожащую свою руку сквозь решетку и подаетъ *Мильфону* письмо. Онъ хочетъ

схватить руку ему подающую оное; но *Ганрїета* тотчас ее отнимает и обращается в бѣгство. Дѣвица, госпожа, ктоб вы таковы ни были, удостойте . . ради почтенїя достойной *Люцїи*. . . . Я не могу знать кому я должен. . . . Он болѣе не видит *Ганрїеты*; но она слышала произносимое *Люцїино* имя. Колѣни ея потряслись; и она под деревом упала в обморок.

Граф распечатывает пакет, и находит там писанное не *Люцїиною* рукою письмо с золотым ящичком, украшенным финифтью. Первое любопытства его движенїе побуждает его раскрыть оной. Он в нем находит образ прекраснѣйшей дѣвицы, какой он еще никогда не видал: это была семнадцатилѣтняя *Ганрїета*. — О *Люцїя*, почто не

имѣю я твоихъ добродѣтелей! я бы, можетъ быть, съ хладнокровіемъ посмотрѣлъ на толь сильные прелести! онъ читаетъ письмо.

,, *Милордъ*, одно небо тому
,, свидѣтель, что я претер-
,, пѣла пока могла рѣшиться
,, повѣрить вамъ сіе письмо.
,, Я оное предаю въ волю
,, величайшаго врага фамиліи
,, моей Оно васъ увѣдомитъ,
,, что сердце *Ганріеты* Сен-
,, клерской есть новая жерт-
,, ва, кою судьба вамъ при-
,,носитъ, *Милордъ*, если
,, вы меня оставите гдѣ мнѣ
,, искать прибѣжища? кто
,, мнѣ будетъ покровитель-
,, ствовать? мои слезы....
,, моя не осторожность....
,, *Люція*. .. Она мнѣ о васъ
,, говорила; она хотѣла,
,, чтобъ я съ вами увидѣлась.

 ,, Моя

,, Моя жестокая соперница
,, надѣется на права, кото-
,, рые даетъ ей красота ея:
,, а я не имѣю болѣе защиты
,, въ участи моей какъ то-
,, лько ваше великодушїе....
,, *Милордъ*, не увижу ли я
,, васъ болѣе?

Иной будучи на *Мильфоно-помъ* мѣстѣ радовался бы о новой побѣдѣ но перьвое движенїе молодаго Графа состояло въ сожалѣнїи къ *Генрїетѣ*. *Ангцїя* достойна сердца моего, говоритъ онъ самому себѣ; она имъ обладаетъ; и я не могу лишить се онаго не здѣлавшись чудовищемъ предъ самымъ собою и цѣлымъ свѣтомъ. Онъ прочиталъ во второй разъ письмо, посмотрѣлъ съ прилѣжанїемъ на портретъ и вдругъ его закрылъ, какъ будто бы онъ боялся собственной своей чувствительности.

Миль-

Мильфонъ воспріялъ путь въ свою деревню. Разумъ его былъ погруженъ во глубокія размышленія. Онъ самымъ собою узналъ, что чрезмѣрно чувствительное сердце можетъ быть источникомъ вящихъ злополучій. Между тѣмъ не могъ онъ оставить, что бы не утѣшить *Ганріету*. — Я ее одинъ разъ увижу, одинъ разъ, по тому что ето нужно ея покою. Я ей представлю съ почтеніемъ, которымъ я ей долженъ, все что чистосердечіе, добродѣтель, довѣренность моей любезной *Люціи* и нѣжное чувствованіе внушаемое ею, мнѣ присовѣтуютъ. Тайна, которую она мнѣ повѣрила... Она священна; я ее буду хранить, и прежде умру, нежели ее кому нибудь открою.

Новые письма пришедшіе изъ Единбурга умножили его безпо-

койствіе. Его пріятели еще совѣтовали ему, чтобъ онъ какъ можно скорѣе выѣхалъ изъ Шотландіи — И такъ я оставлю *Люцію* одну и одну на отчаяніе? Я буду ея и *Ганріетинымъ* мучителемъ? мнѣ ихъ обѣихъ весьма жаль. *Ганріета* имѣетъ нужду въ моихъ совѣтахъ. Когда бы я могъ истребить впечатлѣнія произведенныя пагубной любовію въ сердцѣ ея, и былъ увѣренъ отъ самой *Люціи*, что я буду ею обладать: я бы мало боялся оставить неблагодарное мое отечество.

Ганріета образумилась Коль она страшилась *Люціина* вида! Вопросъ, тѣлодвиженіе, взглядъ ея старой подруги, долженствовали быть для нее язвительнѣйшимъ упрекомъ за измѣну и невѣрность. *Люція*

увидѣвъ ее тотчасъ бросилась въ ея объятія. — Ты его видѣла. Что онъ тебѣ сказалъ? Благополучна ли я? — *Люція*, онъ тебя любитъ. . . . Надобно думать, что онъ тебя всегда будетъ любить. — И ты ни мало не принимаешъ участія въ безмѣрной моей радости? Безпокойная *Миллерша* появилась. *Люція* не могла воздержаться, что бы не показать знака своего неудовольствія; и тѣмъ самымъ было привлекла на себя подозрѣніе.

На другой день *Ганріета* пошла въ звѣринецъ. Съ какою медлѣнностію протекаютъ минуты, вскричала она! Можетъ быть онъ пріидетъ; и если онъ пріидетъ, осмѣлюсь ли я съ нимъ говорить? Что я ему скажу! *Мильфонъ* показался — Ахъ! *Милордъ*! — Сударыня!

— Я

— Я желала бы сокрыться отъ очей вашихъ. . . . Но я того сдѣлать не могу. Вы знаете, что не отъ меня зависѣло усмирить движенїи сердца моего. . По крайнѣй мѣрѣ имѣете ли вы обо мнѣ хотя малѣйшее сожалѣнїе? *Мильфонъ*, какъ я нещастна! . . . Удостойте . . . Вашими совѣтами . . . . Имѣйте великодушїе. . . . Нѣтъ . . Берегись . . . Какъ! я виновата, что тебя люблю? ахъ! не соединяла ли я всѣ мои силы для побѣжденїя сего пагубнаго чувствованїя? Безчеловѣчные люди, вы весьма не справедливо дѣлаете въ томъ меня обвиняя, что я была не въ состоянїи преодолѣть себя . . . . *Милордъ*, примолвила она дрожащимъ голосомъ, какъ я должна толковать твое молчанїе? . . . Что я скажу *Люцїи*? . . . Что ты не живешъ, какъ только ради одной

ее....Я ее столько ненавижу, сколько бы я тебя самаго желала ненавидѣть. *Мильфонъ* хватаетъ *Ганрїетину* руку, орошаетъ ее слезами. — По что я не могу? жестокая честь! — Безчеловѣчной! О какой ты чести смѣешъ говорить? — *Ганрїета*, я раздѣляю твою вину; ты торжествуешъ. — Постой, любезной *Мильфонъ*, я читаю въ твоихъ очахъ; о любовь, какая побѣда!

Послѣ сего взаимнаго открытїя *Ганрїетинъ* духъ сталъ спокойнѣе. она вошла по обыкновенному безъ всякой опасности въ покои Баронши. *Люцїя* и Баронъ тамъ были. Каждый изъ нихъ оказывалъ ей свои ласки, и выхвалялъ ея красоту и глаза прекрасные. *Люцїя* пошутя надъ нею вышла. Баронесса сидѣла на балконѣ, упра-

жняющая-

жняющаяся въ составленiи изъ брилiантовъ цвѣтка. — *Ганрiета*, говоритъ она дочерѣ своей; я это для тебя дѣлаю. *Ганрiета* прибѣжавши облобызать свою мать, видитъ изъ очей ея лiющiяся слезы, и сама чувствуетъ себя смягченною не вѣдая тому причины Минуту спустя старой Баронъ къ ней приходитъ, беретъ ее за руку, обнимаетъ и сажаетъ подлѣ себя. Помолча нѣсколько говоритъ ей. — Любезная дочь, ты достигаешъ важнѣйшаго въ жизни твоей времени. Это будетъ такой часъ, въ которой мать твоя и я соединимъ сердца наши купно съ твоимъ сердцемъ. Послушай меня и почитай, что я тебѣ скажу, болѣе совѣтами такого друга, которой искренно тебѣ желаетъ благополучiя, нежели отцов-

скими наставленіями . . . . *Ганріета*, мы разстанемся. Баронъ удерживавшійся до сего времени отъ слезъ, далъ имъ волю. *Ганріета* ни мало не плакала; она только была удивлена, приведена въ замѣшательство, ничего не подозрѣвая, и крайнѣ желала знать, къ чему клонится сія рѣчь. Баронъ ободрясь опять сталъ говорить: естество и обычай назначили время, въ которое дѣти вступаютъ въ состояніе дѣлающее ихъ, такъ сказать. независимыми отъ даровавшихъ имъ жизнь. Бракъ кажется расторгаетъ сіи первые союзы для возложенія на нихъ оковъ новыхъ; которые пребываютъ нерушимы до конца жизни. Но что бы съ бодростію носить ихъ, надобно имѣть истинную добродѣтель, кротость и благоразуміе. Дочь моя, принеси благодареніе богу; въ

новой

новой жизни, которую ты прiимешь не будешь имѣть сраженiй со склонностями своего супруга; по тому что степенныя его лѣта уже довольно разсудокъ его утвердили: тебѣ ничего не будетъ стоить добродѣтельною быть. Генералъ *Мурце* тебя любитъ; онъ тебя всегда будетъ любить. — Небо! — да, отецъ твоей прiятельницы мой благодѣтель. Какой чувствительнѣйшiй знакъ моей благодарности могу я ему показать? Великодушный другъ, ты познаешь всю цѣну жертвы моей... *Ганрiета*, это не жертва. Я ничего больше не желаю, какъ только твердо основать благополучiе твое. Мы сей часъ поѣдемъ въ Лондонъ, гдѣ королевскiя дѣла удерживаютъ его. Я буду имѣть удовольствiе привести тебя къ Олтарю; буду зрѣть съ радостнымъ

отнымъ восхищенїемъ утверждающїйся союзъ нашъ съ Генераломъ *Мурце*. *Ганрїета* погруженная въ печали вставъ съ торопливостїю, бѣжитъ къ своей матери, падаетъ на колѣни. — Дочь моя, ты мнѣ жертвуешъ! и такъ одна мать твоя будетъ благополучна? Если правда, что ты меня любишь, я принимаю твою искреннюю любовь .... По сихъ словахъ Баронесса *Сенклерша* приклоняетъ голову къ грудѣ своей дочери. Между тѣмъ *Лордъ* приближается: ахъ! ты меня заставляешъ умереть. Онъ поднимаетъ руки къ небу и обратясь къ *Ганрїетѣ*: беззаконная дочь, говоритъ ей, сто ли плодъ тѣхъ наставленїй, кои тебѣ мать и я преподавали? увы! я чаялъ въ тебѣ найти утѣшенїе при старости дней моихъ .... Вспомни, что я

всѣмъ обязанъ Генералу *Мурце*; что безъ него бы нещастной твой отецъ болѣе не былъ; онъ будучи обвиненъ возмутителемъ, можетъ быть, былъ бы лишенъ жизни на мѣстѣ казни. Но великодушный *Мурце* изъ заблужденія вывелъ своего Государя, который было своею страстію на мою погибель ослѣпился по беззаконной ревности Графа *Мильфона*. Я не могу произнести сіе имя не возтрепетавъ отъ досады и противности. Чудовище! есть законы, и ты еще живешъ! кровь *Мильфоновъ*, родъ несносный моимъ предкамъ, мнѣ самому ненавистный . . . Но теперь не время изъявлять мою къ нему ненависть . . . . Богъ не оставилъ меня и средѣ нещастій моихъ; я былъ благополученъ и въ то время, когда былъ гонимъ судьбою, поелику имѣлъ я у себя велико-

душнаго

лучшаго друга и добродѣтельную супругу, которую я всѣмъ сердцемъ обожаю. *Ганріета*, если ты мною предлагаемое за благо пріимешь, мы будемъ всѣ благополучны. Заплати мой долгъ Генералу *Мурце*. Отецъ твой еще впервые имѣетъ къ тебѣ прозьбу; а если ты не довольна симъ именемъ, то почитай меня своимъ другомъ [онъ ее обнимаетъ]. Будь согласна съ нашимъ желаніемъ: я тебя о томъ покорно прошу, дочь моя, если ты повелѣнія мои презираешь. *Ганріета* не могла отвѣчать своему отцу.

Лишь только оставили ее одну, то она вставъ со стула, стала бѣгать по комнатѣ.— *Мильфонъ*, я тебя покорно прошу, пріиди избавить меня отъ неволи и мученія. . . . Если то правда, что ты меня лю-

бишь, неужели ты захочешь лишиться обожающей тебя любовницы? .. Прійди отмстить за меня и себя самаго. Всѣ окружающіе меня поступають съ нами несправедливо. *Люція* требуеть, чтобъ ты ее любилъ: но по какому праву? . .. Отецъ мой хочеть . . . я должна за него заплатить . . . . я? о коль не сносно, что получила жизнь отъ такого отца! Нѣсколько подумавъ: и такъ я заставлю умереть сего почтеннаго старика, которой можетъ быть привязанъ къ жизни единственно тѣмъ, что я ему мила.

Она пошла въ звѣринецъ и тамъ предалась отчаянію. Во время онаго разсмотрѣла она мысленно ту противность, которую бы она вѣчно чувствовала живучи съ такимъ человѣкомъ, котораго не могла любить,

сипть; и того на всегда лишась, кого она прелюбезнѣйшимъ находила. Отъ сего добродѣтель ея поколѣбалась; и духъ глубочайшимъ унынїемъ обременился. —— Я могу умереть, если не сдѣлаюсь благополучною, и буду при смерти имѣть отъ того радость, что посвящаю свою жизнь моему любовнику.

Графъ *Мильфонъ* вѣдалъ сколь враги его успѣвали въ своемъ желанїи. По сему желая избѣгнуть отъ неволи, которая для него ужаснѣе была, нежели смерть, расположился онъ ѣхать во Францїю. Онъ приказалъ все изготовить къ своему пути; отправляетъ обозъ въ Ирвиню, гдѣ вознамѣрился онъ сѣсть на корабль; и его отъѣздъ останавливаетъ одна только любезная *Ганрїета*, которая своею красотою заставила

его позабыть *Люціины* прелести. Между тѣмъ опредѣляетъ день своего отъѣзда: онъ отправляется въ путь. — И такъ я ее больше не увижу? жестокіе враги! вы меня разлучаете съ моею возлюбленною. Коляска его не останавливаясь подъѣзжала къ *Сенклерову* замку. Уже не далеко находится онъ отъ тѣхъ пріятныхъ мѣстъ, гдѣ она ему въ прекраснѣйшіе дни открывала свою любовь. Если бы я ее могъ еще увидѣть! Имѣя къ сему непреодолимое желаніе, приказываетъ онъ остановить свою коляску, выходитъ изъ нее, велитъ своимъ людямъ ожидать себя, и переходя кустарникъ всходитъ на лугъ, которой примыкался къ *Сенклерову* звѣринцу.

Тогда *Ганріета* тамъ стенала. Она усматриваетъ *Мильфона*.

фона. Надежда въ ней возобновляется; бодрость ея не находитъ ни какой опасности; она бросается за преграду, перескакиваетъ широкой ровъ и бѣжитъ броситься въ объятія своего любовника — Если ты великодушенъ избавь меня. Постигнутая усталостію не могла она продолжать свою рѣчь. — Правда, прекрасная *Генріета* что ты меня видишь оставляющаго мое отечество .. И тебя можетъ быть на всегда Я оставляю сію землю, которая видѣла меня раждающагося. Я себѣ найду, безъ сумнѣнія, во Франціи новое отечество; но *Ганріета*, найду ли я тамъ сердца подобные твоему? нѣтъ, отвѣчала ему *Ганріета* съ твердостію; и такъ, жестокой, ты вознамѣрился меня оставить и болѣе не видѣть меня?... Безчеловѣчной,

ной, стому небывать; либо освободи меня отъ тягостнаго ига, котораго я не могу носить будучи въ отдаленности отъ тебя; исторгни изъ меня духъ .... *Мильфонъ*, я тебя о томъ прошу .. Ты еще думаешь?... Извини; но скажи мнѣ, дорога ли для тебя та честь, на которой должны быть основаны добродѣтели честнаго и благороднаго человѣка? — *Ганрïетта*, о чемъ дерзаешь ты меня вопрошать? — Ну, быть такъ, я намѣрена раздѣлить твою участь; я съ тобою ѣду; но обѣщай мнѣ, что ты прïѣхавши во Францïю прежде всего будешь стараться о томъ, что бы со мною законнымъ образомъ вѣчно соединиться. — Я тебѣ на то даю мое слово. Она съ нимъ ѣдетъ; и ни мало не тревожится ни отой смертельной печали, которую

ея

ея побѣгъ въ состоянїи причинить отцу ея и матери, которые съ горячностїю ее люлюбятъ; ниже о смерти, которая можетъ приключиться нещастной *Люцїи* послѣ такой невѣрности: она для *Мильфона* все нивочто вмѣняла. Они того же дня прїѣхали въ Ирвиню, откуда корабль, на которомъ они были намѣрены ѣхать, былъ долженъ отправиться въ путь на другой день.

Въ то время, какъ *Ганрїета* наслаждалась прїятнымъ покоемъ, который былъ нуженъ для возстановленїя немощныхъ ея силъ, печаль и безпокойствїе въ *Сенклеропомъ* домѣ царствовали. Время обѣда уже протекло; а *Ганрїеты* не было въ замкѣ Всѣ тамъ были погружены въ печальныя мысли. Одни узнавъ о томъ, что ей было предлагаемо,

смо, и о несогласіи ея на сіе супружество, думали что она себя изъ отчаянія умертвила; другіе опасались не похитилъ ли ее у родительской любви, какой ни есть нещастной случай. Ее искали въ звѣринцѣ, во всѣхъ сосѣдственныхъ деревняхъ, у всѣхъ объ ней спрашивали и нигдѣ не могли ее найти. Баронъ, Баронша и *Люція* собравшись плачутъ и наполняютъ воздухъ отчаянными выраженіями. Старой Баронъ въ чрезмѣрной своей печали, паче всѣхъ терзался. Онъ обвинялъ небо несправедливостію, призывалъ смерть — И такъ избавлялъ я себя отъ бѣдъ единственно для того, чтобъ зрѣть нещастія мои такимъ образомъ усугубляющіеся! *Томъ* старой слуга тутъ показался который съ нимъ былъ больше, нежели на тридцати сраженіяхъ,

и кото-

и которой своею преданностію и услугами пріобрѣлъ себѣ Баронову довѣренность. Онъ хочетъ говорить; но вздохи голосъ его препинаютъ. На конецъ сказалъ онъ, что нѣкоторой дровосѣкъ работая около звѣринца, видѣлъ *Гакоїету* разговаривавшую нѣсколько времени съ какимъ то кавалѣромъ; что послѣ того сѣли они въ коляску, и поѣхали той дорогою, которая вела къ Дугласу и Ирвинѣ. — И такъ дочь моя похищенна, вскричалъ старой Баронъ! безчеловѣчная, коль много причиняешъ ты мнѣ печалей вдругъ! *Томъ*, мой другъ, сотовариществуй твоему нещастному господину; не оставь его. поѣдемъ искать безстыднаго хищника дочери моей .. Если я ее найду то увижу ее уже виноватую.... Увы! я не буду живъ отъ безчестія моего, или свой

стыдъ

стыдъ омою я кровїю моего врага. (Обьемля свою супругу.) Если же самому мнѣ нещастїе случится: *Томъ*, ты прїидешь отирать слезы у нещастной твоей Госпожи.

Баронесса *Сенклерша* и *Люцїя* вышли изъ покоевъ своихъ, и смотрѣли на отъѣздъ Бароновъ. Одна плакала, что лишилась дочери своей; а другая проливала слезы отъ бѣшенства и досады, которые произвела въ ней невѣрность ея любовника и измѣна ея подруги. По увѣдомленїи *Томомъ Люцїя* не сумнѣвалась, что *Ганрїета* съ Графомъ *Мильфономъ* взяла побѣгъ; но она про то ничего не говорила дабы не узнали, что она въ томъ была первая виноваша. Она внутренно мучится скорьбїю. — Невѣрная подруга, жалѣешь ли ты о нещастїяхъ,

стїяхъ, кои ты меня заставляешь терпѣть? Скоро ли ты будешь довольна? Мы себѣ лишаемся Графа *Мильфона*; и когда ты ему причиняешь смерть, то ты не имѣешь предо мною сего для меня несноснаго преимущества чтобъ быть имъ любимою. . И я его несравненно болѣе люблю, нежели ты.

Вѣрной Томъ и господинъ его ѣхали къ Ирвинѣ. Они проѣхали нѣсколько миль пребывая въ молчанїи. *Томъ* отъ времени до времени возводилъ взоръ свой на Барона, и не смѣлъ рушить его мыслей. Почтенный *Сенклеръ* имѣлъ голову опущенную; глаза его были открыты и неподвижны: они изъявляли, что душа его пылала отмщенїемъ и была колеблема разными движенїями гнѣва и отчаянїя. Вдругъ

пре-

пресѣкаетъ онъ сїю глубокую задумчивость — *Томъ*, представляешь ли ты себѣ состоянїе своего господина самымъ нещастнымъ? мало въ королевствѣ толь знаменитыхъ фамилїй, какъ моя; но такой совсѣмъ нѣтъ, которая бы столь много претерпѣвала нещастїй. Онъ присовокупляетъ съ похвалою: дѣдъ мой предводительствуя Шотланлскимъ дворянствомъ, возвелъ *Робертъ-Брюса* на престолъ. Отецъ мой сохранилъ *Роберту* II корону; а я, *Томъ*, - - - ты тому очевидный свидѣтель, три раза въ день побѣдилъ Агличанъ. Сїя рука, которую тогда подкрѣпляли сила младости и безмѣрное желанїе громкой славы, поддержала колеблющїйся *Шотландской* престолъ... По сихъ блаженныхъ дняхъ настали дни отчаянїя. Сошедъ съ мѣста по

бѣды

бѣды учинился я жертвою пре-
подлой зависти, про меня ста-
ли говорить худо; и насказали
обо мнѣ Государю, какъ о слугѣ
возмутительномъ честолюби-
вомъ, неблагодарномъ неблаго-
дарный! я! которой пролилъ
бы до послѣдней капли кровь
свою для доставленія ему сла-
вы. Принужденный клеветою
искать себѣ спокойнаго убѣ-
жища, удалился я въ свою де-
ревню. Увы! имѣя чистую со-
вѣсть наслаждался я тамъ спо-
койствіемъ, такою благода-
тію, которою небо награж-
даетъ честныхъ и добродѣтель-
ныхъ людей. Пріятнѣйшее мое
веселіе состояло въ дѣланіи мо-
ихъ подданныхъ благополуч-
ными; ты меня видалъ утѣша-
ющимъ печальныхъ, раздѣляю-
щимъ щастіе мое съ нещаст-
нымъ; всѣ зрѣли во мнѣ нѣж-
наго отца; и я нещастнѣйшій

изъ отцовъ! *Ганріета* составляла благополучіе жизни моей ... Она меня оставляетъ; она не боится обратить въ стыдъ честь своихъ предковъ, ввергнуть меня во гробъ; она предается въ руки такого неизвѣстнаго человѣка, коего жизнь, какъ видно, преисполненна злодѣяній. Ахъ! *Томъ*, я еще весьма щасливъ, если сей скверной похититель, лютѣйшій мой врагъ, согласенъ быть супругомъ дочери моей!

Ганріета пробудясь сама съ собою бесѣдуетъ о своемъ благополучіи. — Онъ не идетъ, конечно боится, чтобь меня не обезпокоить: о *Мильфонъ*! мое сердце всегда къ тебѣ любовію горящее признаетъ тебя рачительнымъ и вѣжливымъ. Пріиди, пріиди; твоя чрезмѣрная осторожность можетъ вредною быть моей искренной любви.

Часы протекаютъ, а молодаго Графа нѣтъ; движенїе ужаса *Ганрїету* обьемлетъ: ея покои стояли противъ пристани. Она слышитъ крикъ матросовъ, трепещетъ, бросается со стремленїемъ съ постели и прибѣгаетъ къ окошку: поднимаютъ якорь, распростираютъ парусы, и корабль принимаетъ путь. — Боже мой! *Мильфонъ* меня оставляетъ? Она кличетъ; приходятъ. — Гдѣ Лордъ? — Лордъ? отвѣчала ей хозяйка посмѣятельнымъ образомъ, онъ теперь отягощенный желѣзами находится въ Едимбургской темницѣ. *Ганрїета* узнаетъ, что въ ночное время *Мильфонъ* былъ взятъ по Королевскому повелѣнїю; и что поступили съ нимъ толь жестоко, что не дозволили ему и проститься съ его любезною *Ганрїетою*. Не смотря на сокрытїе имени сво-

его не могъ онъ избѣгнуть отъ неусыпнаго за нимъ смотрѣнія его злодѣевъ. Уже давно были данны строжайшіе повелѣнія во всѣхъ пограничныхъ городахъ, чтобъ тамъ бѣгству его противились.

Въ сей то злополучной часъ *Ганріета* познала всю суровость своей участи; она воображаетъ свою фамилію погруженную въ прежесточайшей печали, любовника обремененнаго оковами и самую себя обезславленную своимъ безразсуднымъ поступкомъ. — Небо всегда было ко мнѣ не справедливо. Ахъ! родитель мой, милѣйшій изъ всѣхъ отцовъ, въ какое состояніе я тебя привела? увы! если бы онъ зналъ гдѣ я; если бы онъ вѣдалъ о моихъ великихъ нещастіяхъ, онъ бы пришелъ. — Конечно бы пришелъ. — Сердце его

его мнѣ извѣстно, онъ бы пришелъ утѣшить, свою дочь ..... Меня утѣшить? ... Безчеловѣчной отецъ, ты творецъ моихъ злополучій и своихъ... Ты хотѣлъ принести меня на жертву... Можетъ быть онъ же и употребилъ все свое старанїе во вредъ чувствительнѣйшему и самому пречестному человѣку въ свѣтѣ... И такъ безчеловѣчный отецъ, наслаждайся теперь всѣми плодами своего злодѣйскаго мщенїя; и радуйся стыду и отчаянїю своей нещастной дочери!...

Баронъ *Сенклеръ* прїѣхалъ. *томъ* спрашиваетъ у людей вольнаго дому кто въ немъ есть. Ему сказываютъ, что тамъ одна только молодая дѣвица, которая непрестанно рыдаетъ лишась своего любовника. — О! это она, это моя дочь: отцовское

ское сердце слышитъ гласъ природы... Я чувствую внутренность мою жестоко тревожащуюся.... *Томъ*, мой другъ, ноги мои не могутъ меня держать: (онъ опирается на своего слугу) помоги мнѣ притти къ ней... Я ей уже все то прощаю, что она мнѣ ни сдѣлала; пусть она, пусть свѣтъ забудетъ все, что она самой себѣ здѣлала! они всходятъ по лѣсницѣ. Старикъ за всякимъ шагомъ останавливается и воздыхаетъ. *Ганрїета* слышитъ шумъ и узнаетъ голосъ своего отца. Она прибѣгаетъ къ дверямъ, опять отходитъ. — Небо, гдѣ мнѣ укрыться?.. За чѣмъ онъ сюда идетъ? упрекать меня нещастїями моими?... Я больше ничего недостойна, какъ только великаго сожалѣнїя. Двери отворились; *Ганрїета* обращается къ своему отцу.

— Же-

—Жестокой! возврати мнѣ *Мильфона*, или страшись.... Она падаетъ въ обморокъ.— *Мильфонъ*? что я слышу? нещастной старикъ! О дочь моя! *Томъ*, я умираю! слуга приближается съ скоростїю и поддерживаетъ падающаго *Лорда*. —Любезной мой господинъ!

По глубокомъ молчанїи послѣдовали вздохи и стенанїи. Первое слово, которое *Сенклеръ* могъ произнести съ крѣпостїю, было *Мильфоново* имя. Преподлой бездѣльникъ! Не будучи доволенъ умышленїемъ на щастїе мое, еще хочетъ похитить мою честь, онъ? дѣлаютъ ли такъ благородные люди! грозитъ и простираетъ руку къ своей шпагѣ.

Обморокъ *Ганрїетты* продолжался. Баронъ обращаетъ къ

ней свои глаза и сколь возможно старается подать ей помощь оказывая пріятнѣйшія ласки. Умноженныя услуги усерднаго *Томи*, скоро привели ее въ чувствіе; но вмѣсто того приступилъ къ ней великой жаръ предзнаменующій жестокую горячку *Ганріета* въ такомъ состояніи сѣла въ коляску, что бы ѣхать домой. Лордъ часто къ ней говорилъ; но она ни слова не сказывала; разумъ ея казался быть объятъ горячестію болѣзни и силою страсти Сія болѣзнь возрастала въ ней часъ отъ часу болѣе, и для того были принуждены остановиться въ Дугласѣ.

Сіи обстоятельства въ то самое время достигли замка, какъ тамъ было получено извѣстіе о смерти Генерала Мурце, убитаго министромъ Аглинского

линского Короля, на привашномъ сраженіи. Онъ, какъ шо нѣкоторые думаютъ, держалъ сторону своего Государя шоль ревностно и сильно, что министръ крайнѣ симъ огорчился. Тогда *Люція* имѣла нужду во всемъ своемъ великодушіи для пренесенія шоль многихъ ударовъ вдругъ на сердце ея повершихся. Баронесса *Секлерша* предложила ей, чтобъ она съ нею ѣхала въ Дугласъ; но *Люція* отговорилась ей перемѣнами причиненными въ ея дѣлахъ смертію родителя, и шѣмъ что она имѣетъ необходимую нужду возвратиться въ Едимбургъ. Она отправляется въ путь, пріѣзжаетъ ко двору, идетъ даже въ Королевской кабинетъ и со слезами говоритъ Монарху окруженному своими придворными: Всемилостивѣйшій Государь! я не ради того пришла, чтобъ

напомнить вашему Величеству о оказанныхъ вамъ родителемъ моимъ услугахъ, и посредствомъ оныхъ получить себѣ щастіе, которое уже нимало меня не прельщаетъ. Когда Генералъ *Мурце* жизнь свою подвергалъ опасности на пользу своего Государя, то онъ сіе дѣлалъ по должности. Я пришла донести вашему Величеству о молодомъ Лордѣ Графѣ *Мильфонѣ*, которой теперь страдаетъ подъ тяжестію оковъ, въ темницѣ вашего столичнаго города, можетъ быть, болѣе по нещастію своему, нежели по винѣ. Король нѣсколько отъ нее отступаетъ назадъ; и любимцы начинаютъ изъявлять своими глазами и непристойными тѣлодвиженіями все, что они чувствуютъ отъ ненависти къ *Мильфому*. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ говорить; но Король велѣлъ

лѣлъ ему молчать. *Люція* пользуясь симъ безпокойнымъ временемъ повергается къ Монаршимъ стопамъ: ваше Величество, вы видите плачущую любовницу . . . Дни ея зависятъ отъ того отвѣта, которой будетъ услышанъ отъ устъ вашихъ. . . Ахъ! Всемилостивѣйшій Государь, если *Мильфонъ* невиноватъ, дозвольте ему оправиться; если же онъ виноватъ, то сіе состоитъ въ вашей волѣ, чтобъ его простить. Молодой Государь, по мнѣнію другихъ, ни чѣмъ такъ тронутъ не былъ, какъ пріятною красотою и достойною сожалѣнія судьбою *Люціи*. Онъ беретъ *Люцію* за руку и поднимая ее —Государыня моя, говоритъ ей, я то подлинно знаю, что Графъ *Мильфонъ* весьма виноватъ; однакожъ я его для васъ охотно прощаю по тому, что

вы объ немъ толь усердно просите. Скажите ему, что онъ вамъ долженъ свободою... Что онъ вамъ долженъ жизнію.... Дай богъ, чтобъ вы никогда не жалѣли о той милости, которую теперь оказываете ему! и я желаю отъ всего моего сердца, чтобъ Графъ *Мильфонъ* возъимѣлъ къ вамъ такія чувствованія, каковыхъ онъ никогда не имѣлъ къ своему Государю. Враги молодаго Лорда видя, что Король совсѣмъ его простилъ, отъ бѣшенства затрепетали. А *Люція* имѣя въ своемъ желаніи удовольствіе, вышла съ повелѣніемъ, которое она великодушіемъ своимъ получила на разрушеніе *Мильфоновыхъ* оковъ. Сперьва она его хотѣла о семъ увѣдомить чрезъ другихъ; но желая сама видѣть своего любовника, того здѣлать не могла.

Люція

Люція идетъ въ темницу, въ сїе ужасное и позорное жилище, которое для злыхъ дѣлъ человѣческихъ необходимо надобное. Предшествуемая темничнымъ стражемъ приходитъ она при лампадномъ огнѣ, въ самую мрачную тюрьму. Тебяль я зрю, о *Люція*! сказалъ ей *Уильфонъ* пресѣкающимся гласомъ . . . Могъ ли я надѣяться? . . . Враги мои лишили меня свѣта, которой освѣщаетъ всякаго человѣка; почто не могу я въ сей часъ сокрыться отъ очей твоихъ! — Графъ, подвигнутая на жалость *Ганріетинымъ* состоянїемъ, я тебѣ у Короля исходатайствовала свободу: ты съ самой сей минуты можешь оною пользоваться. — Ахъ! *Люція*, я тебя узнаю по твоему безмѣрному великодушїю. Чѣмъ могу я показать тебѣ мою искреннюю благодарность! . . . Благодарность

ность, жестокой?.. Я?..: Отъ тебя?... Я отъ тебя никакой благодарности не требую.... Поѣзжай скорѣе въ Дугласъ, куда честь тебя зоветъ; честь! что я говорю? можетъ ли гласъ ея слышаться сердцу неблагодарнаго!... Поѣзжай къ твоей любезной *Ганрїетѣ*; спѣши коль возможно скорѣе; жертва твоей беззаконной любви и своего собственнаго безумїя, можетъ быть, уже умираетъ. *Мильфонъ* хочетъ говорить; но *Люцїя* ему сказываетъ: я тебя оставляю; будь благополученъ; прости на всегда. [Графъ становится на колѣна.] Мнѣ сїе дорого стоитъ, я въ томъ признаюсь; для того, что я тебя, жестокой, съ тѣхъ поръ непрестанно любила, какъ стала тебя знать. Они растались.

Молодой Графъ съ того времени, какъ былъ взятъ, ничего не зналъ о участи своей любезной *Ганріеты*; онъ ее оставилъ у пристани одну на печаль и отчаяніе. Вспомня, что *Люція* ему сказывала о Дугласѣ и ничего не опасаясь онъ туда ѣдетъ. Баронъ, Баронесса и *Томъ* обливаясь слезами стояли около постели, на которой уже *Ганріета* находилась при послѣднемъ издыханіи, какъ *Мильфонъ* показался. Она его первая увидѣла: Милордъ, куда ты идешъ? старой Баронъ воспламеняясь яростію бросается къ своей шпагѣ.— Злощастной! ты еще пришелъ надо мною ругаться? ты заплатишь своею жизнію здѣланной вредъ моей чести.

Графъ старается отвратить ударъ.— Жестокіе вскричала *Ган-*

Ганріета, вы меня лишаете жизни! при сихъ словахъ *Мильфонъ* вручаетъ свою шпагу Барону *Сенклеру* говоря — Сдѣлай милость отмсти мнѣ: Но Баронъ обѣ шпаги бросаетъ на полъ. А *Ганріета* даетъ имъ знакъ, чтобъ они къ ней подошли: голосъ ея уже былъ почти мертвъ — Родитель мой, я достигаю такого времени, въ которое не буду уже бояться людей. И такъ пріимите мною желаемое здѣлать вамъ признаніе, за истинное свидѣтельство, которымъ я должна невинности и самой добродѣтели *Мильфона*. Побѣжденная силою нещастной страсти и тщетно ей противившаяся, измѣнила я вашей довѣренности и не захотѣла послѣдовать вашей волѣ; я предалась въ объятія того любовника, котораго я крайнѣ любила. Въ противность люб-

ви вашей и моей матери, и не смотря на гнусную измѣну, которую я оказала *Люціи* любившей обожавшаго ее Графа, я его принудила здѣлаться похитителемъ и невѣрнымъ.... Увы! Отецъ мой, позабудете ли вы заблужденіи сердца моего, надъ коими и самъ разсудокъ восторжествовать не могъ? ...(Она обращается къ *Мильфону*.) Милордъ, если вы увидитесь съ нещастною *Люціею*, то скажите ей, чтобъ она надо мною и вами сжалилась и простила насъ. Будьте вы оба благополучны....Отецъ мой, Графъ, если бы я васъ увидѣла примирившихся, то я умерла бы безъ печали. Баронъ кидается въ *Мильфоновы* обьятія: Милордъ! сынъ мой! въ самое то время *Ганріета* взявши дрожащую руку своего отца, принесла ее къ своимъ устамъ: и

сїе движенїе было въ ней последнее. — Нѣтъ уже ее болѣ, вскричалъ старой Баронъ! драгїя мои прїятели теперь я всего утѣшенїя своего лишился. Онъ бросается на мертвое тѣло своей дочери и орошаетъ оное своими слезами. Его хотятъ отвлечь отъ сего ужаснаго зрѣлища. — Нѣтъ, я намѣренъ подлѣ ее умереть. *Ганрїета*, мой прахъ купно съ твоимъ будетъ лежать въ одномъ гробѣ. Однакожъ слезы его супруги, *Мильфоновы* прошенїя и представленїи *Томовы*, перемѣнили сїе пагубное его намѣренїе. Они всѣ вмѣстѣ поѣхали въ замокъ и въ немъ жили наслаждаясь взаимною дружбою; но Баронъ спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ кончины своей дочери, и самъ умеръ. Чтожъ касается до *Мильфона*, то онъ напрасно употребилъ свои стара-

ранія на провѣданіе *Люціинаго* пребыванія: она удалилась въ маленькой Ирландской уѣздъ, и тамъ провидила остатокъ своей жизни въ слезахъ болѣе ничего не желая, какъ только позабыть свѣтъ, и быть онымъ навсегда забвенною.

